

РАЗМЫШЛЕНИЯ О СУДЬБАХ НАУКИ

© 1992 г., ЭО, № 5

Г. Е. Марков

О БЕДНОЙ НАУКЕ ЗАМОЛВИМ СЛОВО...

В своей, как бы раньше сказали, передовой статье В. А. Тишков¹ очень удачно сослался на Ф. Броделя, утверждавшего, что кризис есть нормальное состояние науки. И действительно, во все времена существования науки о народах — этнологии, народоведения, этнографии — не умолкали голоса о наступившем безвременье и полном кризисе этой науки. Для зарубежной науки это было характерно по крайней мере с середины прошлого столетия, когда закладывались основы «теории развития», называемой также эволюционизмом. В частности, можно вспомнить по этому поводу статьи А. Бастиана и ряда других авторов. Такого рода констатации многократно делались устно и письменно и в наше время.

Дореволюционной русской науки мало коснулись эти бури в силу специфики ее развития в условиях многонациональной империи. Если не считать немногих предреволюционных исследований (прежде всего А. Н. Максимова, Д. Н. Анучина, Л. Я. Штернберга), все прочие публикации представляли собой главным образом описания, т. е. с точки зрения общепринятой мировой терминологии были *этнографическими*.

Но уже с первых лет установления советской власти и в отечественной науке о народах наступили бурные времена. Наряду с традиционными описательными работами стало появляться все большее число публикаций, громко заявлявших о настоятельной необходимости разработки теоретических, *этнологических* проблем. Причины появления в нашей науке этого сравнительно нового для нее направления были всегда различными. Одни ученые искренне или вынужденно старались «перевести этнографию на марксистские рельсы», другие стремились привлечь для обобщения обширного накопленного материала и его интерпретации некоторые западные учения, преимущественно немецких авторов (см. работы П. Ф. Преображенского, С. И. Руденко и некоторых других). И в 20-е, и в 30-е, и в 40-е годы проходили острейшие, насквозь политизированные дискуссии, имевшие в силу своей крайне догматической направленности самые пагубные последствия для судьбы многих талантливых исследователей и всей науки в целом.

И на моей памяти начиная с 1950-х годов проходили дискуссии на конференциях и в печати, а также с завидной периодичностью поступали начальственные указания о том, какой бы советской этнографии. Последние дискуссии состоялись всего несколько лет тому назад².

Несмотря на предпринимаемые в прошлом значительные усилия свести нашу науку к единой «советской школе этнографии», никакой (о чем приходилось в свое время писать) единой школы так и не возникло³, хотя само существование «советской этнографии», как справедливо отмечает В. А. Тишков, бесспорно.

Имелось немало эпигонов, благополучно процветавших на цитатах основоположников и указаниях руководства, и одновременно были ученые, чьи труды, написанные с самых разных позиций, и составили то, что называется советской этнографией. Но науку всегда делают не масса в целом и не коллектив, а индивидуальности. Будучи в этом твердо убежден, не могу согласиться с В. А.

Тишковым, когда он всех отечественных этнографов обвиняет в научном конформизме в исследованиях и рецензиях. Были работы, в которых с большей или меньшей смелостью ломались догматические установки и взгляды, были и нелюбимые критические рецензии.

Попутно хочу заметить, что, целиком соглашаясь с В. А. Тишковым относительно нередко неадекватной реакции части местных специалистов в национальных республиках на публикации ученых из центральных этнографических учреждений, полагаю, что не все приведенные им примеры удачны (например, на с. 13), и в некоторых случаях отрицательная реакция обоснована. В связи с этим уместно напомнить процитированные им на с. 14 слова С. Баррета: «Когда... работа ведется неуклюже, она имеет способность к разрушению».

Что же касается путей развития нашей многострадальной науки, предупредивших ее современное состояние, то можно сказать следующее. Во-первых, марксизм в его «чистом» классическом виде так никогда и не был внедрен в советскую этнографию, и ее методология во многом основывалась на завуалированном марксистскими фразами эволюционизме. Дело ограничивалось в лучшем случае цитатами, интерпретациями руководящих указаний, а то и совершенно недобросовестными передержками идей основоположников. При этом господствовавшие в политике и идеологии установки типа: «в стране национальный вопрос в основном решен», «культура национальная по форме, социалистическая по содержанию», тотальный интернационализм и т. п., оказали самое пагубное воздействие не только на теоретические позиции и выводы авторов, но, что значительно хуже, на полноту и объективность собираемого и публикуемого этнографического полевого материала. Однако если проанализировать большинство публикаций прошлых лет, основанных на полевых наблюдениях, предвзвременно вычеркнув в них то немногое, что было написано вынужденно, обнаружится чаще всего высокое качество, не уступающее так называемому мировому уровню, во всяком случае, в соответствии с научными представлениями тех лет.

Тяжелым гнетом для отечественной науки о народах были периодические увлечения высоких руководящих лиц какими-то наиболее излюбленными ими направлениями и темами научных исследований, что шло зачастую в ущерб другим направлениям, а кроме того, давало возможность безбедного существования околонуучным подражателям. Сначала, как отмечает В. А. Тишков, шло повальное увлечение проблемами этногенеза (что, впрочем, само по себе еще совсем не плохо). Затем все заполонили проблемы этноса и всякого рода этническая эквилибристика (что уже значительно хуже), — об этом приходилось в свое время писать⁴, вызывая у руководителей, да и некоторых не совсем руководителей лиц крайнее неудовольствие. Теперь пришло время благих призывов к изучению разного рода меж- и внутринациональных проблем и отношений. Но кто платит, тот и заказывает музыку. И мы уже становимся свидетелями того, как новое направление отражается в диссертациях, статьях, книгах, тесня другую тематику. Прошу понять меня правильно. Я ни в коей мере не хочу сказать, что национальные проблемы не следует изучать. Их надо изучать, и как можно более глубоко и серьезно, остерегаясь, однако, допускать к этому недостаточно профессиональных эпигонов-барабанщиков.

О необходимости проводить самые широкие полевые исследования как на одной шестой части суши, так и в других областях мира, о настоятельной желательности стационарных исследований, приближении этнографического образования к практическим нуждам многие из нас говорили и писали уже очень давно⁵. Таким образом, *что* надо делать — достаточно хорошо известно. Однако *как* — остается нерешенным, и едва ли в обозримом будущем можно будет получить на это ответ. Где взять деньги, рабочие места, материальное оборудование для этнографов, как создать настоятельно нужные стране этнографические службы и структуры и многое другое? Пока не решены эти вопросы, все остается в области благих пожеланий и слабых попыток поставить этнографию на службу решения практических задач. Но вот что действительно бесспорно: не может

быть хорошим этнологом-этнографом ученый без многолетней профессиональной полевой этнографической подготовки, формирующей специфическое «этнографическое мышление» и подход к жизнедеятельности народа. Чисто кабинетный метод, как показывает мировая практика, бесплоден.

Думается, что еще нуждается в обсуждении точка зрения В. А. Тишкова (с. 8) относительно предмета «этнологии и антропологии» («... это изучение народов и культур, их взаимодействий, анализ сложнейшего социального феномена — этничности»), а также отличительного метода науки («это основанная на включенном наблюдении полевая работа и приемы анализа культурных явлений»). Прежде всего о методе. Нисколько не преуменьшая значения полевых исследований, о чем, кстати, уже сказано выше, могу утверждать, что без привлечения литературных, архивных и иных данных информативность полевого материала в некоторых случаях может оказаться недостаточной, во-первых, при изучении явлений в их историческом развитии и, во-вторых, при поисках столь необходимых сравнений и аналогий. Так что и эти виды источников традиционно привлекались этнологами и этнографами. Вообще-то призыв сосредоточиться в первую очередь на эмпирической полевой работе не нов, и его истоки лежат в подходе к этнологии социальных и культурных антропологов, которые сегодня считают главной задачей сбор, не мудрствуя лукаво, эмпирического материала, отказывая при этом в праве этнологу иметь свое собственное суждение и давать оценки. Такой подход уже был предметом спора и едва ли может быть безоговорочно принят.

При том что статья В. А. Тишкова «Советская этнография: преодоление кризиса» затрагивает важные вопросы существования и развития нашей науки и, несомненно, окажет положительное воздействие на дальнейшее направление исследований, я усматриваю в ней излишний крен в сторону этнографических, т. е. описательных аспектов науки о народах. Этнология, ее теоретический раздел, оказалась в значительной мере обойденной вниманием. И здесь заметно несомненное влияние идей англо-американской антропологии, давно уже отказавшейся от крупных теоретических обобщений. А между тем советская этнография всегда особенно сильна была теоретической стороной своей деятельности. И я глубоко убежден в существовании в этом отношении превосходства нашей этнографии-этнологии над зарубежной антропологией. И доказательства этому, на мой взгляд, бесспорные. Это публикации и наши дискуссии с зарубежными коллегами, в которых они далеко не всегда выходят в области теории победителями, сосредоточивая внимание главным образом на вопросах методики. Последнее в немалой мере — следствие особенностей зарубежной студенческой и последующей подготовки. Насколько я могу судить по многолетним собственным наблюдениям, эта подготовка, хотя и весьма основательная, но односторонняя и узкая, с концентрацией на какой-то одной проблеме. В. А. Тишков говорит о недостатках подготовки наших молодых специалистов. Они бесспорны, и, к сожалению, причина их почти всегда объективна: наша бедность. Однако и в этом случае многолетние наблюдения показывают, что в областях общегуманитарной, исторической, теоретической наши студенты зачастую на голову выше не только своих иностранных коллег, но и снабженных научными титулами зарубежных ученых. На основании опыта работы в зарубежных университетах могу утверждать, что наши принципы подготовки студентов во многом превосходят зарубежные (исключение составляют лишь ограниченные нищенскими средствами полевые работы). К сожалению, академические институты страны, имеющие все же большие материальные возможности, чем университеты, не оказывают последним ощутимой поддержки.

Акцент в рассматриваемой статье на эмпирической этнографии в ущерб теоретической этнологии привел, с моей точки зрения, к недооценке ведущихся в нашей стране теоретических исследований, в том числе и по зарубежным странам. То, что не следует быть «устаревшим справочником» (с. 12), бесспорно. Но бесспорно и другое: нередко зарубежные исследователи, работая в странах, в которые мы и в мечтах не можем попасть, собирают, а затем и публикуют

материал, недостаточно адекватно отражающий изучаемые явления, не делают глубоких выводов. Это, кстати, тоже порой результат узости подготовки в зарубежных университетах. Ошибки же в фактическом материале происходят вследствие как предвзятости исходной концепции, механически воспринятой от часто меняющихся модных теоретических подходов, так и в ряде случаев недостаточной компетентности в проблемах общей и сравнительной этнологии. И как раз отечественные ученые нередко сумели верно интерпретировать и подвергнуть анализу фактический материал, скажем, по Америке, Океании, Азии и т. д., создав из сухих фактов ценные этнологические исследования. Поэтому, полагаю, следует иметь специалистов и по Азии, и по Европе, и по другим странам и континентам (ср. с. 12). И только в таком случае этнология-этнография будет не вспомогательной дисциплиной, служанкой политики, а действительно наукой, изучающей фундаментальные законы развития обществ и народов, их жизнедеятельности и культуры. Забвение же приоритета фундаментальных задач науки ведет, как общеизвестно, к ее деградации. Огорчительно в связи с этим известное в последнее время падение интереса и внимания к истории первобытного общества — фундамента этнологии, без знания которой многие суждения о современности, в том числе и о национальных процессах, могут оказаться поверженными и даже ошибочными.

И последнее. Говоря о различных аспектах этнологической-этнографической проблематики, В. А. Тишков практически оставил без внимания вопросы историографии, никогда, к сожалению, не бывшие в особой чести ни в нашей, ни в зарубежной науке. А без твердых историографических знаний нередко происходит вновь «изобретение велосипеда», остаются без внимания многие высказанные когда-то плодотворные, но не получившие дальнейшего развития мысли. И в связи с этим — не совсем удачно изложена на с. 6 цитата из работы К. Гирца: малоискушенный в историографии читатель может подумать, что автором книги «Нуэры» был Леви-Строс, а не Эванс Притчард.

Таковы в кратком виде некоторые мысли, возникшие при чтении статьи В. А. Тишкова о нашей науке о народах и преодолении существующего в ней кризиса, изложенные мной, как и предлагает автор, без реверансов в сторону власти имущих. Вообще же, исходя из знания историографии и содержания прошедших многочисленных дискуссий о судьбах и задачах науки, хочется пожелать, чтобы в этом и в дальнейших спорах не высказывались крайние, а главное, практически невыполнимые требования. Не надо забывать, что ни одна из прошедших дискуссий не привела к открытию абсолютных истин.

Примечания

¹ Тишков В. А. Советская этнография: преодоление кризиса // Этнографическое обозрение. 1992. № 1. Далее при цитировании этой статьи соответствующие страницы указываются в тексте.

² См. Советская этнография (далее — СЭ). 1987. № 3; 1988. № 4.

³ Марков Г. Е. Рец. на кн. Ю. В. Бромлея «Современные проблемы этнографии» // СЭ. 1981. № 4.

⁴ Markov G. E. Discussion of Yu. V. Bromley's Article «Ethnos and Ethnography» // Social Sciences Today. Moscow, 1976; Марков Г. Е. Этнография и историзм // СЭ. 1987. № 4; *его же*. Рец. на кн. Ю. В. Бромлея «Современные проблемы этнографии».

⁵ См., например: Марков Г. Е. Этнография и историзм; *его же* Выступление в дискуссии по статье В. В. Пименова «Подготовка профессионального этнографа...» // СЭ. 1988. № 4.

«Let's Say A Word For Poor Science»

From the beginnings of ethnography-ethnology as a science the progress of scientific thought in this field of knowledge is indicated among other things by discussions about subject, purposes and problems. Though there are no reasons to insist on establishing of a particular «School of Soviet Ethnography» nevertheless reach and numerous field materials were collected by the Soviet scholars and there were

published a lot of empirical and theoretical works sometimes exceling so-called «world level». Declaring the necessity of field studies and working over national problems in Russia and the former USSR, the author marks paramount importance of theoretical problems, such as history of primitive community. Studies of foreign countries' ethnography and historiography are also of great importance.

G. E. Markov

© 1992 г., ЭО, № 5

В. А. Шнирельман

НАУКА В УСЛОВИЯХ ТОТАЛИТАРИЗМА

Участие в терминологическом споре или в дискуссии о предмете и объекте науки никогда меня не вдохновляло, тем более что проходившие в 1960—1980-е годы баталии такого рода, отнимавшие у своих участников много сил и энергии, имели более чем скромные результаты: гора рождала в лучшем случае мышь. Жизнь шла своим чередом, и даже спорщики-реформаторы в своей практической деятельности, как правило, пользовались традиционным научным аппаратом. Новая терминология упорно не желала приживаться. Отчасти это, правда, объясняется и тем, что в указанных баталиях принимала участие узкая группа посвященных, подавляющее же большинство специалистов были как бы «не вхожи». Стоит ли удивляться, что последних мало волновали эти споры, то и дело сбивавшиеся на холостой ход, сближаясь со средневековой схоластикой.

И тем не менее сейчас я отступаю от своего правила. Почему? Да потому, что дискуссия, открытая В. А. Тишковым¹ и по своим установкам, и по атмосфере, в которой она происходит, разительно отличается от прежних. Теперь речь действительно идет о судьбе нашей науки, да и о нашей собственной судьбе в условиях резкой ломки не только прежних общественных структур, но и менталитета. Сейчас мы переживаем время, далеко не самое благодатное для развития нашей науки, как впрочем и для народов нашей страны вообще. Люди выбиты из привычной колеи и во многом дезориентированы. Ведь мы до сих пор не имеем четкого представления даже о названии государства, в котором живем. Что уж говорить о названии науки? И все же, все же... Тот, кому действительно дорога судьба науки, не может не задумываться над тем, что ее ожидает. А это, разумеется, требует оценки нынешнего ее состояния, которое нельзя не признать острокритическим. Другое дело, когда и как возник этот кризис: стал ли он следствием взрыва этничности, происшедшего в недавние годы, и неблагоприятной экономической конъюнктуры; явился ли результатом «подрывной» деятельности Ю. В. Бромлея, как считает В. Н. Басилов²; или же сопровождал нашу науку на протяжении всего советского периода, как это представляется В. А. Тишкову³.

У меня есть серьезные основания сомневаться в том, что соответствующий анализ, если он действительно претендует на глубину и объективность, может быть ограничен критикой самой дисциплины или своих коллег без учета общественно-политического контекста. Равным образом я не убежден, что одни только ссылки на внешнюю обстановку могут адекватно объяснить процессы, происходившие в нашей науке. Всегда и везде наука, прежде всего гуманитарная, выполняла и выполняет определенный социальный заказ, чем, в частности, и оправдывает свое существование. Кстати, именно поэтому было бы наивным полагать, что ее можно полностью деидеологизировать. И в то же время каждая наука, обладая специфическими подходами, инструментарием и теоретическим аппаратом, развивается также и по своим собственным внутренним законам, выдвигая и решая специфические, присущие лишь ей задачи. В этом заложена определенная двойственность, ведущая иногда даже к существенным противоречиям между внутренними и внешними стимулами и запросами. Это, безусловно, отражалось и на судьбах ученых в зависимости от их роли и места в этой